

ВЛАДИМИР ИВАНОВ

# МОЙ КОСМОДРОМ



Владимир Иванов

**Мой космодром**

«Издательские решения»

**Иванов В. А.**

Мой космодром / В. А. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903405-2

В основе данной книги лежат воспоминания подполковника запаса, который в 1967—1969 годах принимал непосредственное участие в становлении уникальной в/ч 46180 — единственной военно-морской части на космодроме Байконур. Описанный период это начальная фаза становления советского ракетного щита, увиденная глазами молодого старшины — вчерашнего мальчишки, грезившего о космосе с самого детства.

ISBN 978-5-44-903405-2

© Иванов В. А.  
© Издательские решения

# Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ	9
ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПОЛИГОНА	11
ГЛАВА 3. МЕЧТЫ О КОСМОСЕ	14
ГЛАВА 4. ЗАДАЧА – ВЫЖИТЬ	18
ГЛАВА 5. ПРИСЯГА И КОСМИЧЕСКИЕ БУДНИ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

# **Мой космодром**

**Владимир Александрович Иванов**

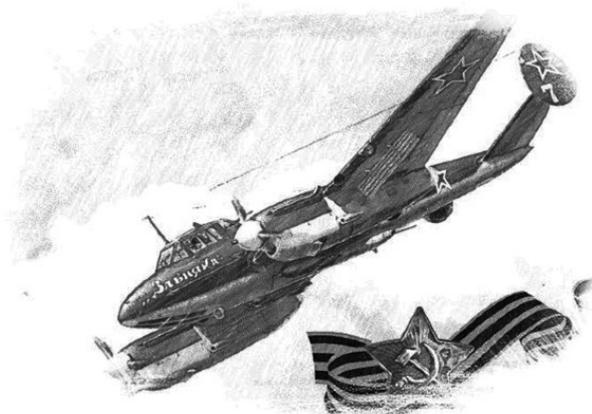
© Владимир Александрович Иванов, 2018

ISBN 978-5-4490-3405-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## ПОСВЯЩЕНИЕ

Эту книгу я посвящаю моему отцу – боевому летчику морской авиации Иванову Александру Семеновичу, моим сослуживцам – ветеранам Байконура и моему сыну Антону, в надежде на неразрывность связи времён и поколений.



## ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году мне, подполковнику Иванову Владимиру Александровичу исполняется 70 лет. Но более памятной датой для меня будет 50-летие со дня (25 апреля 1968 года) вручения Боевого Красного Знамени воинской части 46180, знаменосцем которой я имел честь быть во время службы. Наша часть уникальна. Ее особенность состояла в том, что это была единственная военно-морская часть на Байконуре.

На космодром, или как говорили тогда – «полигон», я пришел простым матросом-электриком, затем стал старшиной второй, а потом и первой статьи, главным старшиной, членом команды специалистов по жидко-металлическому контуру и дистилляции металлов ядерной энергетической установки. Также я был секретарем первичной комсомольской организации 4-й группы, членом комитета Комсомола части.

Возможно, моя тогдашняя служба и должность не давали мне полной информации о том, чем занимается наша часть, но мы хорошо знали свою боевую задачу и с честью служили своей Родине, неся тяжелую службу в невероятно сложных условиях на заре начала космической эры человечества. В своих воспоминаниях я опишу многие события, из которых складывалась наша жизнь, опишу людей – матросов и офицеров, с которыми я служил. Я опишу свои эмоции и чувства, которые испытывал тогда и которые сберег в своей памяти по сей день. На страницах этой книги я хочу рассказать о взаимоотношениях офицеров и матросов, их отношении к своему долгу и великому делу освоения космоса.

Также я хотел бы пояснить, что описываемое мною время – это тяжелый период напряженного труда Советского народа и его правительства. Дело в том, что во —первых это были послевоенные годы, когда мы как страна потеряли десятки миллионов людей и понесли огромные материальные затраты. В противоположность американцам, которые за время войны наоборот хорошо обогатились, захватили немецкие ресурсы и окончательно решились на всемирное господство.

Во-вторых, именно в этот момент американцы собирались нанести ядерный удар по Советскому Союзу и в 60-е годы это была абсолютная реальность, к которой готовилось наше правительство. Стратегические ядерные силы США по расчетам самого министра обороны Роберта Макнамары превосходили в те годы силы СССР в 20 раз. Поэтому обеспечив себе такой перевес в ядерной программе, американцы смогли кинуть огромные средства в «лунную гонку», в то время как наша страна наоборот постоянно разрывалась между созданием ядерного щита и попыткой удержать с таким трудом завоеванное превосходство в космической программе. Но космические проекты после смерти С. П. Королева финансировались плохо и поэтому то, что происходило на Полигоне обеспечивалось не деньгами, а простым героизмом. Героизм – это ведь не только кто дальше гранату кинет. Это способность людей выжить в пустыне и степи без еды, воды и тепла, и при этом ежедневно строить и развивать площадки космодрома.

Вот почему молодые ребята, служившие вместе со мной в те годы, оказались в таких суровых условиях и прошли жесточайшую школу выживания. Вот почему так много воспоминаний про нехватку еды, голод и искреннюю радость лишнему кусочку сахара. Вот почему «день Нептуна» – по сути маленький праздник на фоне суровых будней, так сильно врезался в память мне, молодому матросу.

Я опишу нашу жизнь изнутри, такой какой она виделась глазами двадцатилетнего парня из Ленинграда. Может быть мои воспоминания будут не всегда точными и полными, ведь тогда я был простым матросом и мог не знать какие именно сверхзадачи решались с помощью нашей воинской части. Но это моя жизнь, мои воспоминания и мой Байконур. Мой космодром.

Матросы и старшины, офицеры и генералы, мы все – солдаты своей Родины! Я помню и люблю вас всех. Я благодарен вам за годы совместной службы на полигоне. Мои воспоминания – это мой долг памяти перед боевыми товарищами – живыми и ушедшими, их семьями и перед моим сыном.

Тюра-Там – это моя первая незабываемая любовь. Когда я закрываю глаза, то отчетливо вижу бескрайнюю степь, покрытую тысячами тюльпанов, яркое солнце в небе, необыкновенно красивые закаты и рассветы, темную до черноты ночь, небо усеянное звездами и ярко освещенную прожекторами ракету-носитель на стартовой площадке. Проходит минута и ослепительная вспышка от запуска двигателей озаряет пространство вокруг, а затем ракета взмывает в бескрайнее звездное небо, слышится отдаленный рев её двигателей и спустя короткое время ракета сама превращается в одну из таких звездочек. Это и есть мой космодром – место, где молодой парень прошел важный этап своей жизни. Я благодарен своей судьбе, что он был в моей жизни, и с искренними теплыми чувствами до сих пор вспоминаю те суровые годы 1967—1969 гг., которые я провел на «полигоне».

## ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ

Здравствуй город на карте не меченый,  
Здравствуй ленинский Звездоград,  
Я вернулся, и каждому встречному  
Улыбнуться сегодня я рад...

Из песни о космодроме Байконур

Я родом из СССР. Как и многие мальчишки в детстве я мечтал стать космонавтом. Родившись в семье военного летчика, я всю свою юность провел в непосредственной близости от аэродромов, самолетной техники и рассказов о небе.

Мой отец, Иванов Александр Семенович, был штурманом, летчиком морской авиации, героем войны с Японией и позднее войны с американцами в Корее. Мой дядя Тима (Тимофей Дмитриевич Грядун) был авиамехаником в том же гарнизоне, где отец был начальником штаба полка морской авиации, имел золотые руки и мог починить любую технику. Их вечерние разговоры, встречи отца с боевыми товарищами офицерами-летчиками производили на меня огромное впечатление. Они были для меня живыми героями Великой Отечественной войны, людьми которые стали для меня примером в жизни. Как и для многих в шестидесятые годы, моими кумирами были Гагарин и Титов, первые летчики-космонавты, покорившие неведомое. Поэтому соприкоснуться с космосом, внести свой маленький вклад в его освоение стало для меня большой честью и гордостью на всю жизнь.

Началось всё в сентябре 1967 года, когда на сборном пункте военкомата в Ленинграде мы впервые увидели приехавших за нами майора Драль и двух старшин – Борзенкова и Друзьякова. Все трое были одеты в морскую форму и мы сразу догадались, что будем служить на военно-морском флоте. По тем временам служба в ВМФ была на год больше, чем в сухопутных войсках. Но нас это не расстроило, потому что тогда служба на флоте вызывала огромное уважение и даже зависть у других призывников. Это была огромная честь для нас и мы с чувством гордости отправились на службу.

Когда нас погрузили в вагоны плацкартного поезда и он тронулся в путь, мы еще не знали куда нас везут. В пути мы все время гадали на какой флот мы попадем – Северный, Тихоокеанский или Черноморский. Но когда однажды ночью нас выгрузили на неизвестной железнодорожной станции с малознакомым названием Тюра-Там, посадили в машины и увезли в ночную степь, мы поняли что всё о чем мы думали и спорили по дороге, меркнет по сравнению с той великой тайной, которая открылась нашим глазам черной сентябрьской ночью. Я до сих пор помню какую бурю эмоций испытал каждый из нас, когда из кузова автомобиля, пылившего по бескрайней ночной степи, мы вдруг увидели в лучах прожекторов ракету на стартовом столе. Всё, о чем мы могли лишь догадываться по сводкам новостей из газет, предстало перед нами в грозном величии огромного советского космодрома. Эта реальность с трудом укладывалась в голове и будоражила наше сознание, заставляя трепетать юношеские души от восторга. Так я и оказался в Кызыл-Ординской области, городе Ленинск-7 Туркестанского, а позднее Средне-Азиатского военного округа. В воинской части номер 46180. Военный моряк на Байконуре.

Вообще всё, что касалось освоения космоса, в те годы было окутано большой тайной и секретностью. В частности на начальном этапе строительства полигон в документах именовался «Тайга», а в дальнейшем с целью большего дезориентирования противника был построен еще и ложный космодром вблизи поселка Байконур. После старта космического корабля «Восток» с Гагариным на борту это название прочно укрепило в средствах массо-

вой информации и стало синонимом нашего космодрома, хотя на самом деле он находился именно в Тюра-Таме.

После прибытия наша служба началась с прохождения курса молодого бойца или как тогда называли карантин.

Учебный карантин длился 2 месяца. В это время мы ходили в бескозырках, но без ленточек. Их нам выдали позднее, уже после того как мы прошли торжественное принятие Присяги.



Групповое фото офицеров 3-й,4-й и 5-й групп. (25.04.1968г)

После учебы в карантине меня распределили на службу в 4-ю группу, которую возглавлял подполковник Коцарев С. Я., замполит майор Сугак П. Г., начальник штаба майор Коваленко. Наши командиры и старшины с первого дня стали воспитывать нас, молодых матросов в морских традициях. Мы сразу освоили морскую терминологию: не казарма, а кубрик; не табуретка, а банка; не столовая, а камбуз; каптерка – баталерка; туалет- гальюн и т. д. Нам прививали привычки и традиции моряков, чем мы жутко гордились. Офицеры и старшины нам часто повторяли, что мы не простые солдаты -«сапоги», а стоим на ступеньку выше. Военно-морской флот – это элита вооруженных сил, а поэтому наша служба, поведение и выучка должны быть безукоризненными.

Вот в такие условия я и попал по прибытию на полигон. В те дни меня переполняли чувства радости и гордости за нашу страну, ощущение сопричастности к великому делу освоения космоса. В то же время нас всех пугала неизвестность и сложность будущей службы. Как оказалось не напрасно.

## ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПОЛИГОНА

Началом создания космодрома Байконур нужно считать 1954 год. Именно в этом году была создана Государственная комиссия по выбору места строительства полигона. Председателем комиссии был назначен начальник испытательного полигона «Капустин яр» генерал-лейтенант артиллерии В.И.Вознюк. Из нескольких предполагаемых районов выбрали пустынный район Казахстана, восточнее Аральского моря, в нескольких сотнях километров от казахского аула Байконур. Члены комиссии учли малонаселенность и пустынность. Близость крупнейшей среднеазиатской реки Сырдарьи, проходящая рядом железнодорожная магистраль и автомобильная трасса стали немаловажными факторами при выборе места дислокации испытательного полигона. Кроме того близость к экватору, способствовала увеличению скорости подъема аппаратов в космическое пространство благодаря силе вращения Земли, и более трехсот солнечных дней в году окончательно убедили ученых в правильности выбранного участка.

12 февраля 1955 года было принято решение о строительстве космодрома «Байконур». Руководителем строительства был назначен известный строитель генерал-майор Г.М.Шубников. Вскоре прибыл первый отряд военных строителей под командованием старшего лейтенанта И.Н.Денежкина. Началось создание производственной базы: закладывались бетонные заводы, склады для песка и гравия, организовывалось лесопильное и деревообрабатывающее производство. Начался процесс формирования коллектива создателей полигона. Надо помнить, что всего за 10 лет до этого закончилась тяжелая война с фашистской Германией. Страна еще не оправилась от гигантских людских и экономических потерь. У истоков создания космодрома стояли участники боев на фронтах Великой Отечественной войны. Привыкшие к трудностям 40-х годов, к строгой дисциплине военной поры, знающие не понаслышке о сталинско-бериевских методах достижения поставленной цели, не задумываясь в самые сжатые сроки они построили полигон. Суровые климатические условия, неустроенность быта и отсутствие опыта подобного строительства, не стали помехой для первых строителей. Машины не выдерживали, но выстояли люди. Один из создателей космодрома М. Г. Григоренко впоследствии вспоминал: «... Нигде в мире не было опыта проектирования и строительства столь важных, по существу, уникальных сооружений и комплексов, как космодром. Требования к точности и долговечности конструкций были предельно высокими. Без повседневной изобретательности, творчества, инженерной мысли, смекалки, смелости, без умения идти на риск успеха добиться было бы невозможно. И, я думаю, не случайно руководящий состав строительства составляли фронтовики – люди, прошедшие тяжелые испытания войны, закалившиеся в ее горниле, люди, которых никакие трудности не могли испугать или остановить.»

Несмотря на трудности уже в первые месяцы были проложены автомобильная и железная дороги, начато строительство основного объекта – будущего первого стартового комплекса. Для его создания потребовалось поднять около миллиона кубометра грунта и уложить десятки тысяч кубометров бетона. Через четыре месяца стартовое сооружение было сдано для монтажа пускового оборудования. Сдали и первый МИК, монтажно-испытательный комплекс, который герметично закрывал от песчаных бурь огромное наземное сооружение.

5 мая 1955 года заложили «десятку» – площадку №10, город Ленинск. Чтобы запутать разведку противника в разные годы он носил название – «Ташкент-90», поселок «Заря», «Звездоград», до декабря 1995 года «Ленинск» и в настоящее время «Байконур».



боевых задач. Мы должны помнить и о героях космоса и о понесенных потерях и жертвах в ходе освоения космоса с целью укрепления обороноспособности Родины.

## ГЛАВА 3. МЕЧТЫ О КОСМОСЕ

Американский астронавт Нил Армстронг – первый человек, который вступил на Луну, сказал в те годы знаменитую фразу: «Это маленький шаг человека, но огромный шаг для всего человечества». Он прожил 82 года. Нил Армстронг был самым знаменитым и известным американцем, но в то же время он был и самым скромным человеком. Когда он умер его вдова сказала: «Если вы хотите помянуть его, то выйдите ночью на улицу, посмотрите на Луну и подмигните Нилу». Я именно так и сделал: вышел, посмотрел на Луну и подмигнул Нилу.

Нил Армстронг высадился на лунную поверхность в далеком 1969 году. Именно в то время я служил на космодроме Байконур и как член аварийно-спасательной команды с тяжким сердцем собирал остатки разбиравшихся луноходов. Ракеты-носители «Геркулес-Протон» тогда были очень далеки от совершенства – они часто взрывались на старте, иногда взлетали и сразу падали за периметр стартового комплекса, а иногда даже взлетали на орбиту, но к сожалению не долетали до Луны. Тогда советские газеты называли их очередным спутником серии «Космос».

Несмотря на то, что космические аппараты чаще всего просто бились о лунную поверхность, все же считалось, что они донесли вымпел СССР до Луны. А когда два или три из них удачно прилунились и луноходы смогли ездить по ее поверхности, то все мы очень этим гордились. Несмотря на то, что в 1969 году было много неудачных пусков, я все же был счастлив тем, что служил на Байконуре. Служить было невероятно трудно. На первый год службы мы с моим другом даже поставили себе цель – «выжить». Однако потом втянулись в службу, окрепли и гордились своей службой в уникальной и единственной на полигоне военно-морской воинской части №46180. Мы гордились тем, что не только смогли преодолеть себя, но и внесли свою маленькую толику в освоение Космоса.

А Космосом я бредил с детства. Для этого было много причин.

Во-первых, мое детское сознание было наполнено рассказами моего отца о звездном небе. Отец – Иванов Александр Семенович как военный летчик-штурман хорошо знал астрономию и очень интересно рассказывал мне о Вселенной, о Солнце, Луне и звездных мирах. В отдаленном военном гарнизоне, где служил мой папа была баня, куда мы пешком ходили по субботам мыться. Помню идешь по дорожке зимой, уже вечер, на улице морозно и щекам холодно, а снег под ногами скрипит и искрится, освещаемый ярким лунным светом. Идти нам было далеко – по узкой тропинке через лес и большое поле. Посмотришь наверх, а над нами огромное звездное небо. Пока мы шли, отец показывал и называл мне разные созвездия. Я к своему стыду помню только Большую Медведицу и Полярную Звезду, показывающую направление на Север. А ведь летчики в те времена ориентировались только по звездам, и поэтому отец, как штурман, мог подолгу интересно рассказывать мне о далеких звездных мирах бесконечной Вселенной.

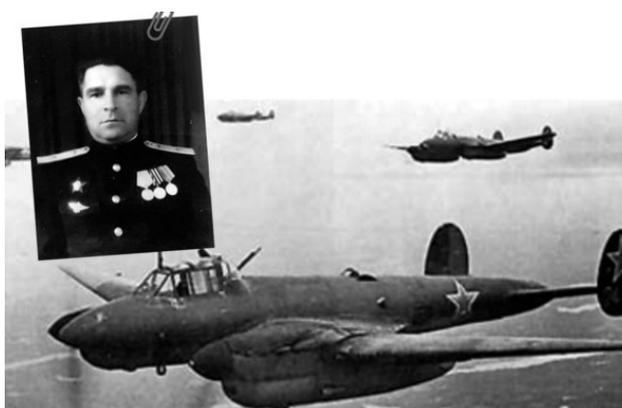
Прошло больше шестидесяти лет, а я хорошо помню этот поздний вечер, черное небо и сияющие звезды.



Мой отец Иванов Александр Семенович (слева – во время войны 1945г., справа – во время преподавания в Академии 1967г)

Во-вторых, когда мы переехали в Ленинград, то я много читал. Тогда моими любимыми книгами были научно-фантастические романы: А. Беляева – «Звезда КЭЦ»; И. Ефремова – «Туманность Андромеды»; С. Лема – «Солярис» и многие другие книги о романтике освоения космоса, его тайнах и загадках.

В третьих, летом мы часто ездили отдыхать в Крым к тете Кате и дяде Тиме. Они жили недалеко от Севастополя, в Любимовке. Мой дядя Тима – Тимофей Дмитриевич Грядун, как и отец служил на военном аэродроме, он был авиамехаником и готовил самолеты к полетам. А поскольку гостей и родственников летом приезжало очень много, то меня отправляли спать в саду. Мне ставили кровать-раскладушку во дворе и я подолгу лежал, часами глядя в ночное южное небо. Оно было огромное, черное и все было усыпано яркими звездами. Я грезил неизведанными, далекими мирами, звездолетами и космическими путешествиями. Осенью я как зачарованный смотрел на падающие звезды, чертившие яркие линии в ночном небе. Я часто засыпал, глядя на звезды и мне снились звездные сны.



Мой дядя подполковник Тимофей Дмитриевич Грядун (1945г.) и пикирующий бомбардировщик ПЕ-2

Хорошо помню, как в 1957 году полетел первый в мире советский искусственный спутник. Какая тогда у всех была радость и гордость за наш Советский Союз, за нашу науку и технику! Все вокруг испытывали небывалое воодушевление. А потом был второй спутник – уже с собакой Лайкой на борту. В газетах заранее объявляли время, когда ночью можно будет увидеть летящий спутник, и тогда мы все выходили ночью посмотреть на эту маленькую

летающую звездочку. Потом я, конечно, видел много летящих спутников и ракет, но те первые спутники я запомнил на всю жизнь.



На полигоне Байконур небо тоже было огромное, черное и звездное. Я любил смотреть на него. Особенно, когда был один ночью – стоишь на посту в карауле и никто не мешает тебе наслаждаться Вселенной. А если опустить взгляд и посмотреть вдаль, то всегда можно было увидеть на горизонте ярко освещенную стартовую площадку ракеты-носителя «Геркулес-Протон». До сих пор помню запуски ракет. Это невероятное и незабываемое зрелище – яркая вспышка, потом зарево, море огня и клубы дыма, яркий след от ракеты улетающей в небо, к звездам. А спустя несколько минут доносились раскаты грома и накрывали тебя с головой.

Это очень яркие воспоминания. Может быть поэтому я до сих пор часто замороженно смотрю на звездное небо, пытаюсь увидеть очередной спутник, космический корабль или «падающую звезду», загадывая сокровенное желание. В большом городе из-за отсвета огней и уличных фонарей черного неба нет и звезд почти не видно. И совсем другое дело за городом, на даче. А еще лучше смотреть на звезды в Египте или на Кубе. После ужина я всегда вечером ухожу подальше от отеля к самой кромке моря, сажусь на холодный пластмассовый шезлонг и подолгу смотрю в небо на сияющие звезды. Я жду когда одна из них упадет и можно будет загадать очередное желание.

Я хорошо помню и 12 апреля 1961 года. Полет Юрия Гагарина. Помню ту огромную радость, которая охватила всю страну. Такого всеобщего счастья больше никогда не было. Помню его торжественную встречу в Москве. С одной стороны он был недостижимым героем, а с другой простым человеком-летчиком, у которого развязались шнурки ботинка, когда он шел по ковровой дорожке к своей мировой славе. И глядя на него, мне как и тыся-

чам других мальчишек хотелось стать космонавтом. Я лепил из пластилина макеты ракет, рисовал в тетради фантастические миры далеких планет и бесконечно грезил космическими полетами. Как дорогую реликвию я до сих пор храню газеты с сообщением ТАСС о полете Гагарина и его первые фотопортреты. Помню каким страшным ударом для всех стала катастрофа и смерть трех наших космонавтов: Добровольского, Волкова и Пацаева. Как переживал и даже плакал мой отец, узнав о гибели Комарова и Гагарина.



Одна из первых газетных статей о полете Ю. Гагарина в космос

Я не стал космонавтом. Мне жаль. Но все же я служил на космодроме. Это были трудные, но счастливые дни моей молодости. Забавно, но одним из моих самых первых заданий было убирать метлой песок со стартовой площадки, с которой только что успешно ушла в космос ракета нашей части. Я всегда шутил по этому поводу, что я узнал космонавтику изнутри и попал в нее с черного входа. Мой личный вклад в дальнейшую работу на космодроме наверное был очень мал, но я честно служил, выполнял свой долг и свои обязанности. Я думаю, что тот огромный результат, который получила вся страна как раз и стал итогом ежедневного труда десятков тысяч военных, ученых и рабочих. Простых людей, сплоченных одной великой целью – покорить космос. И я горжусь, что был сопричастен к освоению космоса. Маленький шагок человека, но большой шаг для всего человечества.

Нил Армстронг совершил 72 боевых вылета во время войны в Корее. Может быть он воевал с моим отцом, который в это же время дрался с американскими летчиками в Корее. Это политика. Они летали в одном небе как враги, но их объединил Космос, звездное небо и мечты о лучшем будущем для человечества. Мой папа в последствии переквалифицировался из летчиков в артиллериста, а затем и в ракетчика. Когда я смотрю ночью на звездное небо, то я всегда вспоминаю отца, космодром Байконур и даже Нила Армстронга.

Я не стал космонавтом – ими становятся единицы, не стал конструктором космических кораблей. Моя жизнь сложилась иначе. Но звездное небо – это мой космос, который всегда со мной. Я думаю, что после смерти, моя душа уйдет в Космос и станет маленькой звездочкой в огромной Вселенной. Я снова смотрю на звезды и мне волнительно и хорошо.

## ГЛАВА 4. ЗАДАЧА – ВЫЖИТЬ

Зимой здесь холод и мороз  
Порой нас мучают до слез,  
А летом зной и духота  
И привозная здесь вода.

Здесь женщин нет, а тех что есть —  
По пальцам можно перечесть.  
В стране царит закон сухой  
Здесь «Ландыш» пьют и пьют «Тройной».

Верблюжий край, пыль да степь без конца  
И кажется черт проклял эти места.  
Вдали караван лишь шагает пыля,  
Но мой Тюра-Там вызывает меня.

Из песни о Тюра-Таме матросов 4 группы

Как это часто бывает в жизни, реальность оказалась сильно отличной от моей детской мечты.

В первый же месяц по прибытии на космодром мы оказались в невероятно тяжелых условиях, настолько тяжелых, что мы с моим другом и товарищем Колей Кузьминым поставили себе лишь одну очень простую задачу – выжить. Тогда нам казалось, что это почти невозможно. Дело было и в сложной психологической обстановке – новое место, чужие люди, взрослая жизнь – и в том, что даже в физическом плане служба на полигоне требовала от людей совершенно невероятных человеческих качеств – огромной воли и крепкого здоровья.

Дело в том, что космодром в силу ряда объективных причин занимал огромную площадь. Сотни стартовых комплексов и стендов по замыслу конструкторов должны были располагаться на территории в сотни квадратных километров и быть расположенными вдали от жилых городов. Пуски были чрезвычайно опасным занятием и в те годы часто оканчивались неудачно, со взрывами опасного и ядовитого горючего. Кроме того у пусковой площадки должна была быть хорошая видимость (никаких гор или лесов поблизости) и ровное атмосферное давление. Найти такое свободное пятно в центре России было невозможно и космодром втайне от американцев построили в самом сердце бескрайней степи Казахстана. Это было идеальное место для ракет, но абсолютно непригодное для жизни людей. Летом там нещадно палило солнце, а зимой сквозил ледяной ветер.

По прибытии нас ожидал курс молодого бойца – учебный карантин сроком 2 месяца. Ранний подъем, зарядка, бег на длинные дистанции, изучение уставов, строевая и физическая подготовка, хозяйственные работы, наряды на камбуз, чистка гальюна после отбоя для нерадивых. Мы изучали стрелковое и химическое оружие, а также оружие массового поражения. С нами постоянно проводились учебные и боевые стрельбы, а затем чистка автоматов до зеркального блеска. В кубрике так же все должно было сиять и блестеть. Команды «ОТБОЙ» и «ПОДЪЕМ» должны были выполняться в считанные секунды, но это по началу получалось далеко не у всех, и поэтому из-за одного запоздавшего матроса нам приходилось их выполнять по несколько раз, до полного автоматизма. Заправка постели должна была быть безукоризненной, даже за единственную неровность на поверхности старшина

заставлял несколько раз все переделывать. Нам запрещалось держать руки в карманах. Честь при встрече полагалось отдавать всем офицерам, а также дневальному по кубрику и при этом за три шага до офицера переходить на строевой. Вечерняя прогулка обязательно проходила со строевой песней. Мы разучили и пели военно-морские песни: «Эх Ладога, родная Ладога...», «Расстается с берегом лодка боевая, моряки подводники в дальний рейс идут...», «Бескозырка» и, конечно «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг».

Физическое напряжение, непривычный климат, недосыпание – все это изматывало нас полностью. Молодой организм постоянно требовал пищи. С накрытого стола на 10 человек сметалось все до крошки, многие жаловались на хроническое недоедание и голод. В то время в столовой давали всего два ломтика черного хлеба на человека, два кусочка сахара и 10 граммов сливочного масла (при этом масло и сахар давали только на завтрак). Масло на стол давали одним куском, который надо было разделить на 10 человек. Старший по столу делил этот замерзший кусок ложкой, смоченной в горячем чае, так как ножей нам не давали. Для справедливости, тот кто делил масло себе брал последний оставшийся ломтик. Очень плохо было курящим: курить разрешалось исключительно в специальной курилке, сигареты которые они взяли с собой быстро кончились, а в магазине, вернее в солдатской и матроской чайной, можно было лишь купить элитные и очень дорогие папиросы «Герцеговина Флор», те что любил товарищ Сталин. На стартовой площадке и на спецплощадке 94-А, где мы работали курить категорически запрещалось. Поэтому для матросов был хороший стимул бросить курить, что я и сделал со своим другом Колей Кузьминым. Мы с ним также решили на весь период службы не ругаться матом.

Перед вечерней прогулкой давался всего один час личного времени. Тогда играла гитара, включался телевизор, матросы читали или писали письма домой. В целях секретности нам категорически запрещалось писать, что мы служим на ракетном испытательном полигоне. Тех, кто нарушал это правило строго наказывали, а их письма зачитывались перед строем, чтобы остальным было ясно что можно писать, а что нет. До сих пор помню письмо, где один солдат хвастался перед своей девушкой, что он держит всё время палец на кнопке запуска ракеты. Все посмеялись его хвастовству, а горе-писателя сурово наказали за нарушение приказа.

После отбоя все стирали свои гюйсы (это пристегивающийся синий воротник на форменной матроске), гладили брюки, чистили до блеска ботинки. Для многих новобранцев, привыкших к вольготной гражданской жизни, карантин оказался серьезным испытанием. Поскольку я был из семьи офицера и жили мы в основном в военных гарнизонах, то дисциплина и порядок воспитывалась моим отцом и принимались мною как должное. Поэтому начало службы давалось мне несколько легче, чем другим.

Поначалу очень угнетало отсутствие возможности хотя бы несколько минут побыть в одиночестве, расслабиться, вспомнить родной дом, друзей, в тишине прочитать письмо и написать ответ. В кубрике невольно на тебя смотрят десятки глаз, около здания казармы одна на всех курилка и ни одного клочка зелени. На службе и отдыхе всегда находишься среди людей. Трудно к этому привыкнуть.

Наша первая зима 1967—68 года была очень холодной, температура в среднем была около минус 50<sup>0</sup> С градусов, в степи постоянно дул сильный ветер, а снега почти не было. Продувало всю одежду насквозь – шинель, форменку, тельняшку. Когда мы выходили на улицу, то постоянно жались к стенам казармы, потому что ощущение было такое будто ветер насквозь продувает твои кости. На ногах были ботинки, внутрь которых мы одевали сразу две пары носков, а руки были прикрыты тонкими хлопчатобумажными перчатками. В них было настолько холодно, что мы попросту вытаскивали из них пальцы и бегали с плотно сжатыми кулаками. Когда мы ложились спать, то делали это прямо в одежде – в шинели, ботинках и шапке. Сверху мы прикрывались одеялом, а утром приходилось отди-

рать от подушки усы, которые накрепко за ночь к ней примерзали. Батареи и трубы полопались от мороза, и потому внутри нашей казармы был настоящий каток. В казарме нас жило около трехсот человек и поэтому на построение мы разгонялись по этому льду и скользили вдоль всего центрального прохода вплоть до самого выхода.

Однако той зимой замерзли не только мы на своей 95-й площадке, но и весь город Ленинск (10-я площадка), в котором жили офицерские семьи. Меня в составе небольшой группы матросов тогда отправили на их спасение. Мы занимались размораживанием домов и я до сих пор не понимаю как люди смогли выжить в ту зиму. Вода замерзала, еду было не приготовить, температура и атмосферное давление были настолько низкими, что нам всем постоянно хотелось спать. Просто закрыть глаза и не просыпаться.

Я до сих пор помню каждый чердак и подвал на улицах: Шубникова, 8 марта, Носова, Осташева, Космонавтов, Театральной. Официально в то время мы жили в казармах стройбата войсковой части подполковника Бирочкина. Но если честно, то мы ночевали в подвалах тех домов, которые размораживали. Там можно было лежать прямо на трубах отопления и таким образом хотя бы немного согреться.

В то время нам было не только холодно, но и голодно, постоянно хотелось есть. Нормы были мизерные и их с трудом хватало, чтобы обеспечить молодой организм энергией. Как я уже писал сахар и масло (всего 10 грамм) давали только утром, белого хлеба не было вообще. Денежное довольствие матроса в те времена составляло всего 3 рубля 80 копеек (!) и я до сих пор благодарен одному полковнику, который пригласил меня к себе домой и накормил ужином. СПАСИБО ему за это от всего сердца! Многие офицеры благодарили нас за спасение своих семей, в квартиры которых благодаря нам пришло тепло. В ту жуткую зиму мы не высыпались и голодали, но самоотверженно делали свое дело. Нормы питания нам увеличили только через год, а в те первые месяцы мы с огромными страданиями переносили нехватку еды.



Трансформация из юноши в мужчину (1967, 1969 гг).

Когда огромными усилиями многих служб город Ленинск все же был спасен от полного замерзания, я вернулся в свою 4-ю группу. В начале службы меня готовили стать электриком, но когда я вернулся, то электриком к тому моменту уже был другой матрос, и поэтому меня прикрепили к команде, которая занималась теплоносителями для ядерного реактора на 94-й площадке. В качестве теплоносителя использовались щелочные металлы: калий и натрий, которые при температуре 24 градусов переходили в жидкое состояние. Я помогал офицерам-специалистам в их работе по созданию жидко-металлического контура и дистилляции металлов. Работа эта была очень ответственная так как при соприкосновении с кислородом воздуха и водой эти агрессивные металлы горели и взрывались.

Вообще бытовые условия на полигоне и в нашей части были очень сложные. Но психологически было трудно привыкнуть и к «неживому» пустынному климату. Мне, жителю Северо-запада России, где бескрайние леса, реки и озера, было очень трудно привыкнуть к виду голой степи. Единственное благодарное время – это Апрель, когда вся степь покрывалась ковром из ярких тюльпанов. Зимой пронизывающий холод и изнуряющая жара летом, сильный ветер с песком и ни одного деревца. Вокруг одни только шары «перекати поле».

Не помню ни одного дождя летом. Даже ночью не было никакой прохлады. Перед тем как лечь в койку мы выливали прямо на матрас ведро холодной воды, а уже через два часа все было сухо. Ночью по кубрику постоянно ходили «белые привидения». Это матросы мочили в умывальнике простыни, и за вернувшись в них, шли спать.

Из живности в степи были только черепахи, степные ушастые ежики, суслики, а еще скорпионы, тарантулы и фаланги. Змей ни разу не видели. Один ежик жил у нас прямо в кубрике. Днем он спал, а ночью смешно бегал по периметру кубрика.

К сожалению, у нас были большие проблемы с помывкой. В бане на 95 площадке я был не больше 3 раз за все время службы (!). Обычно мы мылись и стирали тельняшки и робу прямо в умывальнике: на кран одевали шланг и мылись – вот и весь душ. На 94 площадке устраивали самодельные душевые.

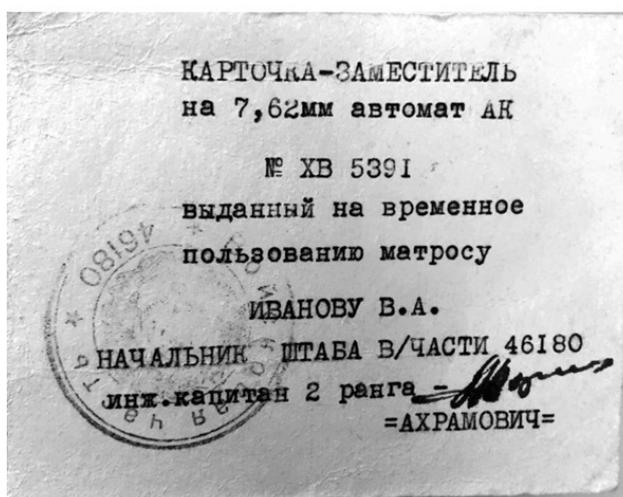
## ГЛАВА 5. ПРИСЯГА И КОСМИЧЕСКИЕ БУДНИ

Я присягал Советскому Союзу и этой Присяге никогда не изменю. После двухмесячного курса молодого бойца – карантина, особенно тяжелого для всех нас молодых призывников, и боевых стрельб из автомата Калашникова, нас привели к присяге. Хорошо помню этот знаменательный день – торжественное принятие Присяги с прохождением строевым маршем и с песней под звуки оркестра. Меня тогда переполняли самые радостные чувства – на голове бескозырка, непривычно колышутся ленточки на затылке. Брюки клеш, чеканный шаг. Это было здорово и незабываемо. Тогда я ощутил гордость и окончательно понял для себя простую вещь: я – военный моряк на Байконуре.

Как я уже писал меня распределили в 4-ю группу, которая занималась работами с ядерными энергетическими установками (ЯЭУ) на 94-й площадке полигона, а также привлекалась к выполнению других боевых задач.

Мое первое «знакомство» со стартовым комплексом произошло на площадке 90 почти сразу после прибытия в часть. 27 октября 1967 года состоялся первый запуск космического аппарата ИС (истребитель спутников) «Космос-185» с площадки 90 с помощью ракеты-носителя 11К67 «Циклон». Нас, только что прибывших новобранцев, отправили приводить в порядок стартовый комплекс после успешного пуска. Мне досталось убирать от песка стартовый стол и ведущие к нему подземные сооружения. Так я узнал космонавтику изнутри, так сказать с «черного, подземного хода». Дальше начались «космические» будни.

Поскольку воздух был наполнен песком, то нам приходилось ежедневно чистить свое оружие. У меня был АК-47 со складывающимся прикладом для морского десанта. Мне нравился это вариант за его компактность и удобство ношения. Находясь в карауле я мог быстро привести его в боевую готовность.



### Любимый десантный АК-47 и карточка-заместитель.

Дедовщины в нашей 4-й группе никогда не было. О ее «ужасах» я потом лишь читал или мне рассказывали, те кто служил в другое время, возможно в других частях. Дедовщины не было по объективным и субъективным причинам. В 60-х годах на флоте служили 4 года, а пятый год «переслуживали» (т.е. тебя могли призвать в январе, а демобилизовать в декабре). Поэтому мы – «салаги» старослужащих попросту уважали за их многолетнюю службу, их знания и опыт. К нам они относились по отечески, и даже снисходительно за нашу неопытность. Никаких издевательств и даже шуток на эту тему никогда не было.

Другая причина отсутствия дедовщины состояла в том, что каждый старослужащий должен был подготовить себе замену и только после этого он мог быть демобилизован. Принцип простой: чем раньше он подготовит себе замену, тем раньше сможет уехать домой. Были, конечно разгильдяи, про которых офицеры говорили что они «уедут 32 декабря после вечерней проверки», но таких были единицы.

Воровства в нашем кубрике (не казарме) тоже не было. Деньги, сигареты и т. д. лежали в тумбочке, но их никто не трогал. При этом было правило: если кто-то что-нибудь попросит, то никогда не отказывали. Среди матросов и старшин были землячества. Даже друг к другу мы часто обращались «земеля». Мы, ленинградцы, держались вместе, другие дружили по городам или областям. Вечерами часто собирались в кружок и вспоминали свой город. Помню как один матрос долгое время не мог найти своих земляков, но поскольку он жил на улице Ленина, то нашел много друзей, которые тоже жили в своих городах или поселках на улицах имени Ленина. Мы их в шутку называли «ленинцы».

Я попал на замену к старослужащему матросу-электрику (к сожалению забыл фамилию). Он очень хотел побыстрее уехать домой, где его очень ждали родственники. Поэтому он «гонял» меня день и ночь, чтобы я хорошо учил матчасть и сдал экзамены на допуск к работе. Он буквально пылинки с меня сдувал, и даже ругался со старшиной группы, чтобы меня реже ставили в наряд. Вместо этого он подолгу заставлял меня разбираться с электрическими схемами. Однажды я нарушил все инструкции электро-безопасности и попал под высокое напряжение. В тот раз я чудом остался жив, а шрамы на руках можно различить до сих пор. Мой «старик» очень сильно переживал, что плохо меня проинструктировал, а я на всю жизнь запомнил как надо работать с электричеством. Когда я сдал на допуск к самостоятельной работе, то он пожал мне руку и уехал домой. Вот и вся «дедовщина».

Кстати, у нас был интересный обычай провожать демобилизованного: он садился на чемодан, который стоял на растянутой шинели и два человека тянули его по центральному проходу между койками к выходу. Пока его тащили он махал всем рукой, прощаясь, а мы все искренне желали ему удачи в след. Когда на пенсию уходил начальник 4 группы подполковник Коцарев Сергей Яковлевич, то мы в знак большого к нему уважения предложили и его прокатить на шинели по казарме. Он посмеялся нашему предложению, сильно расчувствовался, пожал нам всем руки, но проехаться на шинели отказался.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.